

Вит Ценёв

ПРОТОКОЛЫ
КОЛДУНА
СТОМЕНОВА

Вит Ценев

Протоколы колдуна Стоменова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10265761
ISBN 978-5-4474-1087-2

Аннотация

Книга написана в жанре документального детектива, в основу которого положены стенограммы допроса сотрудниками КГБ колдуна Стоменова. Подробно описаны обряды посвящения, «удержи», ритуалы поклонения миру мёртвых, контакты со смертным миром, магические практики. Книга перевернула привычные представления о боевой магии и обрела огромное число последователей по всему миру. Они называют её библией по черной магии. Но это больше чем магия. Это – магия смертной силы.

Содержание

Необходимое вступление автора	5
Предисловие переводчика	9
Часть 1	12
Девятый день допроса	12
Кристо Ракшиев (дневниковые записи)	16
Шестой день допроса	18
Кристо Ракшиев	21
Восьмой день допроса	24
Кристо Ракшиев (из дневников)	30
Девятый день допроса	33
Двенадцатый день допросов	39
Десятый день допроса	45
Кристо Ракшиев	50
Магия смертной силы, обряды посвящения	52
Двенадцатый день допроса	54
Кристо Ракшиев	63
Шестой день допроса	65
Кристо Ракшиев (дневники)	67
Шестнадцатый день допроса (Советы)	69
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Протоколы колдуна Стоменова Вит Ценёв

© Вит Ценёв, 2015

© Алексей Деревянченко, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Необходимое вступление автора

У этой книги трудная судьба... Судьба, иногда похожая на мрачную детективную новеллу. Написана она по материалам другой «книги», если так можно назвать тринадцатитомное уголовное дело, которое разрабатывало одно из подразделений Службы государственной безопасности г. София – тихий филиал Комитета Государственной Безопасности СССР, курирующий сеть специализированных психиатрических больниц. Но речь там шла не об инакомыслящих узниках совести и прочих противниках строя, усмирённо почивающих на больничных койках с диагнозами «острая шизофрения» или «параноидальный синдром». А все 13 томов расследования состояли из показаний 79-летнего Павла Стоменова, болгарского гражданина, который в 1978 году в ритуальных целях убил девятилетнюю девочку.

Павел Стоменов был благообразным пенсионером. Он скромно жил на полагающуюся ему пенсию в обыкновенной однокомнатной квартире на окраине Софии. При его аресте и изъятии вещественных доказательств понятые не были приглашены, протоколы не составлялись, дело стало закрытым с самого начала. Стоменов с момента ареста не промолвил ни слова. В кабинете следователя ему был поставлен предварительный диагноз: «параноидальная шизофрения», после чего он был госпитализирован. В общем-то, все, как

часто это бывает, и ограничилось бы констатацией психического заболевания и принудительным пожизненным лечением, однако уже предварительное следствие выдало результаты, которые иначе как мистическими не назовешь...

Послужной список Стоменова при первой же проверке оказался, мягко говоря, не соответствующим действительности. Ни в одном из заявленных лечебных учреждений, (а по документам он был врачом) не нашлось ни единого упоминания об этом человеке. Следствие находило настоящее Стоменова: жилищные права, пенсионное удостоверение, фамилия в списках получателей пенсии – и ничего больше. Не нашлось родственников. Не женат. Детей нет. Больничной карты нет. Никакого криминального или уголовного прошлого. Ни один из десятков тысяч архивов, перерытых спецслужбами, не дал ни крупицы информации об этом человеке. Помимо пенсии, которую государство выплачивало Стоменову, и той жилплощади, которую он занимал, в Болгарии документально не существовало такого человека – Павла Стоменова, который спокойно жил в Софии и раз в месяц получал свою пенсию. Соседи не смогли сказать о нем ничего определенного, но, во всяком случае, изредка он с ними разговаривал. Попытки допросов Стоменова заканчивались его упорным молчанием. Он просто игнорировал происходящее вокруг себя. Выявленные факты сформировали две рабочие версии: первая заключалась в том, что Стоменов был тщательнейше законспирированный агент некото-

рой спецслужбы, в настоящее время то ли симулирующий, то ли действительно сошедший с ума; вторая – Стоменов является нацистским преступником, скрывающимся в Болгарии.

Версии были не очень убедительными и формировались по принципу метода исключения. Никаких реальных фактов следствие найти не смогло. Не нашлись и родители погибшей девочки...

А примерно через месяц Стоменов неожиданно заговорил. Спокойно попросил принести ему стакан минеральной воды...

...В 1991 году, еще до начала известных событий в СССР, в Болгарии начали уничтожать архивы КГБ и прочих спецслужб. Дело Стоменова вместе с тысячами других «психиатрических» дел было равнодушно сожжено. По свидетельству очевидца, непосредственно присутствующего на допросах Стоменова, который вел стенограмму допросов, дело сочли закрытым и отправили в архив. Павел Стоменов давал показания непрерывно в течение трех недель. Иногда допрос затягивался до восемнадцати часов в день, причем подследственный не выказывал никаких признаков усталости, не просил перерывов, еды и всего другого, в чем обычно нуждается любой человек. Ближе к концу августа 1978 года он был найден мертвым в своей палате, которую тщательно охраняли круглосуточные посты. Его смерть, так же как и его жизнь, стала загадкой: врач констатировал остановку

сердца. Сердце у него было абсолютно здоровое, состояние внутренних органов соответствовало возрасту тридцатилетнего человека...

Кристо Ракшиев, профессиональный стенографист, переводчик, человек с феноменальной памятью, всю свою жизнь проработавший в недрах спецслужб, на свой страх и риск копировал каждое слово, которое было произнесено на допросах. Потом он как-то сказал: «Мне было велено...» — и неуверенно показал рукой куда-то вверх. Горы окурков в пепельнице, бессонные ночи, воспаленные глаза: он рассказывал мне, торопился, захлебывался... Я бесчисленное количество раз колол ему... сам не знаю, что именно. Умер Кристо неожиданно, у табачного киоска, от обширного кровоизлияния в мозг. Оставил меня с ворохом убористо исписанных тетрадей и конспектов.

Я не знаю до конца, правда ли это — все то, о чем говорил этот Стоменов. Мне кажется, что ПРАВДА... В такие минуты я испытываю нечеловеческий страх...

Я публикую эту книгу в России. Это — ваша правда и ваше дьявольское порождение...

Предисловие переводчика

В конце 1996 года я получил предложение перевести эту книгу на русский язык. Меня очень заинтересовала эта работа, потому что до этого ни с чем подобным мне сталкиваться не приходилось. Работал я очень тщательно, старался максимально точно воссоздать живую речь диалогов. На это у меня ушло примерно полгода... Когда я передал окончательный вариант перевода автору, тот сказал, что до сих пор в сомнениях относительно целесообразности публикации этой книги. Я высказал ему свою уверенность, что книга обязательно должна быть опубликована. Разговор шел по телефону... В его голосе я слышал сомнение вперемишку с какой-то тоской. Он бросил трубку буквально на полупhrазе, а перезванивать я не решился.

И только через два года, в конце 1998-го, он позвонил мне и поведал, что решился на публикацию. Книга выйдет в России, и только в России, – так он мне это преподнес, так он написал это в своем предисловии к этой книге. Когда я пишу эти строки, он ищет издателя, который бы его устроил. Обещал прислать парочку сигнальных экземпляров, как только они выйдут из типографии...

Лично на меня монологи Стоменова произвели сильнейшее впечатление. Эта книга изменила многие мои представления об этом мире. Иногда говорят – вот, я прочитал ка-

кую-то книгу, и она перевернула меня! Я скажу иначе – не мир перевернулся для меня, нет, – я сам начал крутить и переворачивать его направо и налево. Таков ли он, каким я его себе надумал? Таков ли, как я его вижу? Таков ли, как мне говорят об этом окружающие меня люди? Я задавал себе – как в детстве задаешь взрослым бесконечные вопросы – тысячи новых и почувствовал, что многое в этом мире стало другим, предстало в других цветах, звуках и качествах...

Чем еще меня привлекает эта книга, так это возможностью, или, скажем иначе, – необязательностью читать ее последовательно, от корки до корки. Сама ее конструкция очень непоследовательна, поэтому выходит, что читать ее возможно тремя разными способами.

- Способ первый: начинаете с начала и идете до конца.
- Способ второй: пытаетесь читать книгу в календарных закономерностях, которые там прослеживаются.
- Способ третий: читать ее с любой, случайно открытой страницы.

Лично я рекомендовал бы прочесть ее три раза в том порядке, который я указал выше.

Выскажу свое субъективное мнение по поводу содержания этой книги. Оно затрагивает многие понятия и категории, относящиеся к природе добра и зла, нравственного и безнравственного, гуманности и жестокости... Поэтому я не рекомендовал бы читать эту книгу тем людям, которые слишком романтичны и душевно ранимы, которые слишком

пропитаны понятиями нравственности и доброты человеческой... Мир гораздо сложнее представлений о нем, и разочарование от его реалий может оказаться очень болезненным...

Я вспоминаю и вспоминаю слова, услышанные в вольном пересказе автора: «Когда мы слышим о торжестве справедливости, то чаще всего мы не отдаем отчета в том, что речь идет не о справедливости, а о торжестве убийства неугодного члена общества или торжестве истребления неугодного народа»...

Алексей Черных

Часть 1

Девятый день допроса

Стоменов: – Раньше мужик деревенский где историю рода своего держал? Да в голове своей, и нигде больше. Ни фотокарточек не было, ни дневников не вели, и писем не получали, потому как ни читать, ни писать не умели, надобности такой не было. Теперя же много предметностей всяких хождение имеют – а что такое предмет, с человеком сродненный? Это средство великое, чтобы извести его можно было приемами особыми, магическими – заболел чтоб, или помер, или бессильным сделался... При нужде я могу пользоваться то, о чем по молодости и помыслить не мог. Возьми, положим, ту же фотокарточку. Пошел я с фотокарточкой этой в ателье фотографическое, да и заказ сообразил – сделать портретик надгробный. Если ты, Борислав, думаешь, что чепуха все это, то спроси у себя – остался бы ты равнодушен, если б из фотокарточки твоей кто-то вот такой портретик закажет? Да еще и не случайно иль, положим, шутки ради, а с известным вражеским умыслом?

Историю одну скажу тебе. Одна женщина, уже в годах, любила человека одного, да только он к ней прохладно относился. Мучается она, жить без него не может – но жить-то

надо, вот она и удумала его схоронить символически...

Если точным быть, то первую мысль ей бабка одна подсказала, а уж до всего остального она сама удумалась. Мысль такая была – относиться к человеку этому, будто помер он только что. Ну а баба мысль эту развила дальше. Фотокарточки мужика этого у нее были, вот она и пошла в ателье енто – портрет надгробный заказывать. В траур оделась, скорбит не понарошку... Сделали ей два портрета – один для памятника, а другой, в рамке черной, с ленточкой наискосок – чтоб, значит, в комнате поставила да слезы горькие по муженьку покойному лила. В газетке объявление пропечатала, что умер, дескать, человек, и состоится панихида... Хошь – верь, а хошь – не верь, Борислав, да только помер мужик этот через девять дней после траура ее. Пришло к нему поначалу недомогание, затем хуже и хуже, совсем слег мужик, горячка началась – и врачи ничем помочь не смогли. Вот так символическая смерть буквально сделалась, хоть и не желала этого баба, о которой я ведаю...

Другим средством сильным письмо особое будет, в котором, если погубить человека хочешь, писать ему надобно следующее: мол, уважаемый хороший человек, пишет вам доброжелатель ваш тайный. Спешу сообщить вам, что враг ваш пытается извести вас сильными средствами Смертной Магии. С вашей одежды нитка была взята от вас незаметно, и нить эта, на которой сорок узелков крепких завязано, левую ногу покойника одного, уже схороненного, опле-

тает. Это для того сделано, чтобы умерший этот связь с вами обрел нерушимую и в царство мертвых не смог отправить-ся, – и остается дух умершего между небом и землей до тех пор, пока связь эта не разрушится, а разрушиться она может очень скоро, потому как умерший этот из всех сил будет стремиться вас за собой утянуть.

Только одно средство есть, чтобы от гибели неотвратимой избавиться. Нужно обмылок найти, которым любого другого покойника обмывали, только обязательно мужчину, – и в ближайшую полночь тщательно вымыться этим мылом. Тогда надежда есть, что связь ваша смертная разомкнется...

Следователь: – И что, найдется такой кретин, который не выбросит это письмо в корзину для мусора, а мыло покойничье искать будет?

Стоменов: – Найдется, не найдется – дело неважное, да только помрет этот недруг или заболест тяжело. Все то, где жизнь со смертью пересечение делает, очень большую силу имеет. Иная вдова, когда муж умирает, в гроб его ложит вещь свою, словно преданность свою доказать хочет, да только это, по нашему разумению, почти тем же будет, что и руки на себя наложить. Смерть это означает скорую для вдовы ентной... А коли не торопишься в царство иное, то помни – не ложи к покойнику ничего своего, а только его вещи дорогие и при жизни ему значимые. Не ложи к покойному и ничего чужого, если только умысла не держишь извести владельца вещи этой. А пуще всего следи за тем, чтоб детское

что-нибудь не попало в могилку: дети особенно слабые будут при пересечениях жизни и смертного часа.

Следователь: – Гуманист, я погляжу! О дитях заговорил...

Стоменов: – Чего ерничаешь, Борислав, аль обидел чем? Говорю, потому как надобность имею, и ничего другого не преследую. Ты все за девку эту переживаешь? Да остынь, уймись, тебе какое дело до нее будет. Убил – ну и убил, нужда мне в этом была – а ты, гляди-ка! Никак к мучителям людским приписать меня удумал? Так напрасно это, потому как никаких удовольствий от убиения я не получаю. Тебе велено меня слушать – вот и слушай, словечки свои мудреные попридержи... Коли умный, так и сам опосля поймешь, меня слухая, почто я девку жизни лишил, а коли нет – другие узнают, невелика беда.

Никола так учил нас: если говорить хочешь, то говори, а заботы о том, поймет тебя слухатель твой или не поймет, в голове не держи. И мне, Борислав, от разумения твоего сытости не прибавится...

Кристо Ракшиев

(дневниковые записи)

Я всегда помню больше того, чем следовало бы обычно-му человеку. Многие вещи: события, поступки, произнесенные слова, картины прошлого – мне хочется забыть, похоронить их навсегда в недрах своего серого вещества... Но нет, память, моя треклятая услужливая память – она с невероятным упрямством цепляется за тысячи ничего не значащих для меня лиц, за десятки тысяч страниц исписанных бумаг, из которых добрую половину я помню, – помню, черт подери! – вплоть до каждой запятой... Я зритель, который просиживает задницу в кинотеатре своего бесконечного прошлого, я прожил большую половину своей жизни в этом затхлом кинозале, в полном одиночестве...

Сегодня я сел за свой облезлый письменный стол – и получился девятый день допроса. Словно кто-то толкнул меня под руку, ткнул носом в стопку писчей бумаги... Я ничего не делал, я только сидел и записывал то, что я слышу. Второй раз я в полной мере пережил то неуловимое беспокойство, которое я испытывал тогда, в кабинете следствия... Нет, в начале было только беспокойство – и ничего другого. Страх пришел позже, тогда, когда я увидел своими глазами то, что случилось со Стефаном... Бледный, как мел, он молчался прямо в углу палаты, сидя на корточках и озираясь

пустыми невидящими глазами... С уголков его губ стекала слюна, и это было последнее, что я увидел в его лице. Санитар ударил его резиновой дубинкой по шее – он рухнул на пол и, наверное, разбил себе лицо... Дверь захлопнулась. Занавес...

Неужели я так плохо разбираюсь в людях? Стефан – почему он? Борислав мне казался послабее, с червоточиной – но время идет, я иногда вижу его в столовой, он не изменил своим вкусам и привычкам, на его столе всегда яичница и стакан томатного сока...

Девятый день допроса... Второй день... Одиннадцатый... Четвертый... Пишу рывками, кусками – как идет. Но в одном я уверен точно – каждая буква моих стенограмм звучала в том кабинете из уст следователей и ЕГО уст...

Меня разрывают в клочья мои воспоминания. Меня разрывают на части те противоречивые чувства, которые я выношу из них, которые я переживаю вновь и вновь... Он бог мой, которого я слушаю вечность. Нет! Он неодолимая слизь, болото, паук, в сети которого я попался... Он пьет мою кровь – а я улыбаюсь и смотрю в его глаза... Да, да, я молюсь на него – и я его ненавижу...

Когда-то мы его убьем. Но не сейчас, не скоро еще, и это очень хорошо. Пускай он поживет подольше...

Пишу, пишу, пишу...

Шестой день допроса

Стоменов: – ...Ты с нами? Ты наш? Ты знаешь те истины, которыми ведаем мы!?... Нет? Чего же ты хочешь тогда?.. Отомстить? Убить? Превратить своих врагов в больных и немощных людей? Уничтожить все то, что для тебя есть Помеха, но не соприкасаясь с нашей силой, нашей верой, нашими знаниями?... Так устроен мир: если Слабый ударил в спину ножом Сильного, если выстрелил из подворотни – кто слаб здесь, а кто силен? Скажи мне, Ты, претендующий на могущество! Жалкая букашечка, ты сидишь и боишься меня, тайком стираешь пот со своих ладоней, тискаешь липкую рукоять своего пистолета...

(Шепотом, наклоняясь). Давай, давай, я тебе подскажу, я тебе помогу. Не слушай меня, просто иди за моим голосом – и тебе откроется дверь, в которую ты войдешь...

Молчи! Три дня молчи, не пророни ни слова. Лучше всего уединиться, чтобы посторонние тебе не помешали. Это ты сможешь, я знаю. Некоторые разговаривают во сне, но ты не из таких... (сигнал прекратить запись допроса).

К женщинам тебя не тянет, это не очень хорошо. Когда есть желание, которому ты не даешь реализоваться, оно рождает истерию – это энергия, если уметь ею пользоваться. Но ты не умеешь... В дубовую коробочку, которую ты достанешь, набери земли с могилки. С какой именно – я го-

ворю, а ты идешь за моим голосом. Недруг твой мужчина – и это первое: бери землю с мужской могилы. Найди смерть случайную, неожиданную – таких много сейчас: вдруг – и нет человека. Коробочку свою землей с этой могилы наполни, а собирай ее только после полуночи... Укради еще вещьцу, в его руках частую, она тебе понадобится. Фотографию его отдашь в ателье, закажешь надгробный портрет небольшого размера. Как только земля могильная, портрет, вещь будут у тебя – с полуночи любого дня МОЛЧИ! Три дня и три ночи уединись и не пророни ни слова. Идешь в первую полночь за голосом моим и хоронишь на краюшке кладбища свою кошку, которую ты убьешь... (сигнал продолжить запись). Есть земля обычная, а есть земля кладбищенская: мир земной и мир иной, и между ними граница, идешь за моим голосом, как мостик между берегами рек... Кошку закопаешь на мостике этих миров и проведешь по нему врага своего... Отсюда – туда. Во вторую полночь зажги свечу долгую или огонь разведи, только лишь бы само горело, пламя было. Костер лучше будет, ибо шерсти клочок кошачьей, когда почувствуешь себя соответствующе, бросишь в огонь и затем спи... Сиди рядом с огнем и вспоминай все те беды, с врагом связанные. Не анализируй, не размышляй – вспоминай, вспоминай, вспоминай... Когда ярость переполнит тебя – бросай шерсть в огонь, после чего ты вскоре уснешь. В третью полночь рядом с зарытой кошкой выроешь могилку, положишь туда вещь его, засыплешь запасенной могиль-

ной землей, положишь сверху портретик надгробный и камушками выложишь сегодняшний год. После этого – если вправду все сделал как надо – умрет твой враг, если небрежен был в чем-то – очень худо ему будет, ошибешься и землю с женской могилы возьмешь – то жену его бесплодную сделаешь...

Без меня не сможешь ты этого, но я тебе подсоблю. Когда и где – не говори, я и так узнаю... У врага твоего будет две могилы на этой земле: твоя, магическая, и его, та, на которой он будет похоронен...

Следователь: – Стоменов, вы отдаете себе отчет в том, что вы говорите здесь?

Стоменов: – Отдаю, мил человек. У тебя даже ладони потеть... (сигнал прекратить запись) перестали...

Кристо Ракшиев

(дневники)

С самого начала во всем этом была какая-то чертовщина, бесовщина, мистификация. 79-летний старик, а мне только пятьдесят один, а сравните меня и его: да я ему, черт подери, в папы гожусь! Рослый, почти метр восемьдесят пять, широкоплечий, абсолютно седая голова, но лицо – ей-богу! – от силы сорокалетнего. Я слышал, как перешептывались медики, пожимали плечами: здоров был, как бык, – в 79 лет!!! Зрение, слух в норме, кровь, сердце, нервная система, печень, половые органы – ха! Я думаю, в постели с женщиной он дал бы молодежи трехкратную фору. Глаза у него были карие, яркие, невыцветшие, как это обычно бывает у стариков. Такие выразительные глаза – чаще всего спокойные, уверенные, иногда даже равнодушные. Один раз он весело подмигнул мне – я был с ним в комнате допросов без следователя, тот куда-то срочно вышел, охрана была на входе... Чего бояться – Стоменов постоянно приковывался наручниками к металлическому столу, вмурованному ножками в пол... Но меня иногда озноб бил от страха. Он подмигнул мне, выразительно потрянул скованными руками и то ли спросил, то ли предложил: «Хошь сломаю?» Я вздрогнул, пожал плечами, отвел глаза, он усмехнулся, сказал: «Не бойсь, сынок...»

Он говорил уверенно, долго... Его почти никогда не перебивали: заговорил – так пускай мелет, пиши, потом разберемся, когда сыщики наши чего-нибудь да накопают. Но время шло, Стоменов говорил, а следствие результатов не давало. Потом приехали Советы, их следователь слушал его уже как-то целенаправленно, часто задавал вопросы, делал у себя какие-то пометки. Я по-прежнему стенографировал, а дома строчил стенограммы по памяти, засыпая иногда прямо за письменным столом... Много позже я осторожно навел справки у людей, которые имели дело с гэбэшными архивами, но так толком ничего и не узнал. Одни говорят, что дело Стоменова Советы вывезли, другие – что никому это на хер не надо, и все сожгли к чертовой матери...

Родителей этой убитой девки так и не нашли. Я же говорю, бесовщина, словно они оба с луны свалились... Когда Стоменов сказал, что он урожденный русский, и заговорил на русском языке, рабочие версии следствия полетели к чертам собачьим, и дело было с радостью сбэгрено Советам. Дело, в общем-то, прикрыли сразу, выясняли только – что за фрукт и с чем его едят.

Стоменов называл себя одним из тринадцати краеугольных камней Магии Смертной Силы. Страшного учения, которое он нам проповедовал... Двое из наших сошли с ума – один сдебютировал на седьмой день допроса, другой улетел в психушку в 1989 году, и, насколько мне известно, там до сих пор. Как я удержался – одному богу известно. Может,

это ЕГО, Стоменова, воля, а может, потому что писал все это, выплескивал на бумагу. Приходило облегчение, опустошение...

Пилюльки, укольчики... Из службы меня турнули в девяностом, там уже всех лихорадило... да что я говорю, сам знаешь. Искал людей, хотел докопаться до истины, но все тщетно, все вилами по воде писано. Пиши по тому, что есть, сделай из этого книгу. А там, глядишь, в Россию подашься, деревеньку эту поищешь – глядишь, и выведешь чего. Был у меня такой порыв, но, чувствую, – нет, не слажу, совсем худо мне, так и оставил эту затею...

Магия Смертной Силы... Тринадцать ее Воинов... Да, и еще – в 2001 году они ждут Прихода своего Сатаненка... Там тоже чертовщина неумная – не он придет в Мир этот, а люди его найдут, придут к нему и попросят Силу и Знание...

Восьмой день допроса

Стоменов: – Одни слова, которые вы говорите, могут давать вам Силу. Таких слов немного. Другие слова эту Силу отнимают, что встречается повсеместно. Если ты, Борислав, орешь на свою кухарку, что «по стенке ее размажешь», ты теряешь силу и опустошаешь себя. Но еще замечу к этому, что некоторые очень несмелые люди обладают, как это ни странно, опасной внутренней энергией. Они не в состоянии дать ни физического, ни словесного отпора, а все их утешение – это мечтать опосля, как бы они изничтожили своих врагов. Бойся таких людей, они не ведают, что могут уничтожить тебя, не пошевелив и пальцем. В народе часто говорят – «сглазили», «порча», но это не совсем так. Когда не знаешь Силу, навредить можно только случайно, вдруг, и никогда – целенаправленно.

Наша вера говорит, что слова «удавлю», «убью», «уничтожу» и многие другие подобные словоблудия являются действием бессилия, а не силы. Маг Смертной Силы не пользуется силою своего тела, чтобы искалечить или убить человека. Более скажу, что не произносит он настрого угроз таких словесных. Мне вот семьдесят девять лет, и я могу убить быка одним ударом кулака, но никогда не сделаю этого. Я молчал сполна сорок дней и сорок ночей, для того чтобы приблизиться к магическому искусству. Четырежды я

срывался – и все начинал сначала. Никола делал нам испытания: спишь, а тебе вилами в мягкое место. А заорать нельзя. Один раз я споткнулся на ровном месте, рухнув брюхом прямо на ежа... (улыбается). Тонул в речушке нашей, где коту по колено. Никола говорил: «Если совсем худо, то заорешь, не удержишь, а если можешь держать – гибни, тони, гори синим пламенем, но молчи!» На сороковой день стая волков прижала меня к болоту, наши мужики рядом совсем, траву косят, а я кричать не могу, рот одной рукой зажал, в другую сук, а волчищ штук двадцать... И вдруг слышу – ору, ору благим матом, а рот-то я себе намертво зажал, зубы стиснул, ажно челюсти свело. Волки шмыг, шмыг, в разные стороны, мужики с вилами и косами мчатся, Никола идет, в бороду лыбится. Я кровь с прокушенной губы сплевал, голову опустил, мужики меня обступили, смотрят сурово, а Никола и говорит: «Закричал, значит?» Я молчу, вроде и кричал, и не кричал, сам не пойму... Никола лыбится, говорит: «Ты, Андрюша, по-другому закричал. Марфа ажно кипятком обварилась. Громко гаркнул. Ай, молодец!» Мужики загомонили разом, повеселели... Так у меня это вышло. Марфу Никола натер мазью особой, которую с отцом своим, Ерофеем, по июлям готовил, и прошел ожог ее в тот же день.

Вот так, Борислав. Ты, поди, волков только по телевизору видел, а я их по молодости войско целое изничтожил. После того как я выдержал, Никола мне запретил. «Хватит, – говорит, – зверье почем зря губить. Скажу я слово одно, и кон-

чится ваша вражда. Ты – зверь сам по себе, они сами по себе. Не пересекутся ваши дорожки больше». И правда, как бабки отшептали. Пошаливали они опосля, но редко, лениво.

Слова, Борислав, не помогают быть сильным. Если ты чувствуешь себя слабым – лучше молчи, не трать себя. Научишься молчать – сделаешь первый шаг к Магии Смертной Силы. А что такое Сила, ты знаешь? Сила первого посвящения – это наука уничтожить своего недруга. Этим владеют многие, не только культи и маги, но и вполне цивилизованные кланы, к одному из которых принадлежишь ты. Сила второго посвящения, которой владеют немногие, – умение использовать достоинства врага в свою пользу, превращать их в недостатки. Сила третьего посвящения, которым владеем мы, Сила Смертная, неотвратимая и неодолимая, – уметь делать людей слабыми, бессильными, податливыми, опустошенными. Для этого не нужны ни ваши мудреные бомбы, ни яды, ни войско. Слушай и молчи, Борислав. Так ты прикоснешься к Силе. Было время, и я сидел так перед Николой и внимал каждому слову. Как сделать медведя послушным, словно дитя, как сделать больно незнакомцу, стоящему за версту от тебя, как обрести Силу неземную, пронизательность звериную, нюх волчий, ярость нечеловеческую. Как оставаться нехворым и в младости, и в старости, как голод познать и удерж от всего желанного... Слушай, Борислав, – с ума не сойдешь если, то сильным станешь много более сегодняшнего...

Ты неплох духом, я это чувую, хотя супротив меня тысячи таких, как ты, не хватит. Улыбаешься... Не веришь? Ладно. Вы уже другие, безразличные к голосу старшего, уверовавшие во всезнайство свое. Говорите вы много, а слушать не умеете, впитать влагу ума бескрайнего разучились, словно детьми никогда не были. Когда Никола говорил, вся деревня его слушала, отец родной его слушал, не перебивал, кланялся благодарно. Мне было два годка, когда откровение ему пришло. Голос ему был громогласный и видения. Конец прошлого века был это. Мамка мне много про Николу рассказывала: как он на стаю волчью с голыми руками ходил, как дрался со зверьем; как на кладбище жил, от людей шарахался, голодом мучался, плотскими жаждами; исчезал надолго и возвращался, готовил настои и мази исцеляющие. Потом он нам говорил: «Испытание мне наказано было Великое, нечеловеческое». Все опосля проходили те же муки, что он сдюжил, – все проходили, да не все прошли... Баб наших, деревенских, он одной мерой мерил, мужиков – другою. Мне семнадцать годков стукнуло, когда не голосом я закричал, а Силой своей, и много было еще впереди... Марфа, которую я поминал уже, померла, не сдюжила, похоронили мы ее на кладбище нашем тихонечко. Мужика одного медведь задрал, другой, Федор, в проруби утонул. Федорова баба на сносях была, родила через месяц она двоих мальчиков – да мертвыми, синенькими. Никола сказал, что это хороший знак, ему Откровение было. Баба вслед за детками померла тоже. Схоронили

мы их всех рядом, могилка к могилке. В девятнадцатом году, когда уходили мы из деревни нашей навсегда, Никола велел по пригоршне земли с их могилы с собою в дорогу взять. Сильная земляца, колдовская...

Следователь: – Стоменов, может оставим...

Стоменов: – Борислав, не называй, голубчик ты мой, меня этак больше. Зовут меня Кривошеев Андрей Николаевич. Вот Андреем Николаевичем и попрошу меня величать. Уговор?...

Следователь: (молча пожимает плечами).

Стоменов: – Значит, уговорились. Ты, Борислав, меня не торопи – я и сам все скажу. Дело ваше все равно темное, никому не ведомое, а что начальство твое мандражирует, так это пустое, Борислав, пока ямку не выроешь – водица не пробьется. Сиди, слушай, на ус мотай, а тот ученый (кивает головой в сторону стенографиста) – пускай пишет, авось, глядишь, деткам расскажет... Да только нет у тебя деток-то, верно я говорю, сына? (Повернув голову, обращается к стенографисту). Нету, нету, не зыркай глазенками-то, на бумаги свои лучше зыркай, чтоб справнее было.

И вот такая просьба у меня к тебе, Борислав, будет. Вы мой домишко ладно осмотрели? (Следователь неопределенно кивает головой). Там, на окошке, цветочек стоял, помнишь? Цветочек-то вы загубили, когда землю рыли, искали ваши доказательства, а вот земляца осталась, там и стоит в горшочке. Ты мне этой земляцы принеси, а опосля пого-

ворим...

Кристо Ракшиев (из дневников)

...Отец Николы поклонялся своему сыну, как святому. Все произнесенные наказания сына исполнял с какой-то одержимой ретивостью. Он был единственный крещеный в этой деревне, носил нательный крест, рассказывал о Христе то малое, что слышал на ярмарках, на которых раньше бывал частенько. Почему-то именно после смерти Марфы единственная ниточка, связывающая Кривошеевку с окружающим миром, оборвалась навсегда. Деревня окончательно замкнулась на себе, погрузилась в мрачную атмосферу Смертной Силы. Той самой Магии, которую проповедовал Никола. Отец его прилюдно сорвал с себя крест, утопил его в реке и покаялся. Плакал страшно, ревел зверем, хотел утопиться сам... Никола остановил его, было откровение, что отец будет ему по правую руку.

Он творил чудеса – зверь бежал к нему сам, он говорил с птицей и рыбой, во дворе бродил волк, который слушался только его. Он лечил любые хвори и раны, но когда Марфа умирала возле ног его – встал и ушел. Когда дранного медведем мужика приволокли в деревню, он не пошевелил и пальцем, хотя тот был еще жив. Больной, больной сукин сын!!! Кривошеев говорил, что деревня словно перестала существовать для внешнего мира, – никогда больше, до самого момента их ухода, не появлялись ни редкие путники, ни бег-

лые измороженные каторжане, никто, никто... Они там все были или Кривошечевы, или Никитовы, вся Кривошечевка – пять домов, чуть более семи десятков человек. Херня какая-то! Мне 43 года, и у меня никогда не было детей, откуда ОН узнал!? Откуда узнал? Сначала жена бесплодная, потом развод, редкие шлюхи, шлюхи, и ничего больше... Смогу ли я сейчас? Не уверен... Да к черту! ОН, ОН!! Кто? Почему? Зачем он эту девчонку? Иногда он поворачивается ко мне, и я вижу его глаза... Паранойя, бред, мания величия – ХА – ХА, у него разумный взгляд, быть может, разумнее, чем у нас... У меня... Психов я на своем веку повидал, я их чую, у них глаза...

Я боюсь. Мне страшно. Стал суеверным, напряженным, подозрительным. Все кажется неспроста. Чееррт!! Надо чего-нибудь попить, снять мандраж...

Магия Смертной Силы. Я полез в литературу и не нашел ничего путного. Возьмите то, посрите сюда, скажите это – чушь. Все книги говорят о том, как использовать некие магические формулы, все эти заговоры, присушки, свечи, заклинания, эликсиры... Он же говорит о том, как стать магом. Интересно, смог бы я? Я знаю в совершенстве три языка, имею два высших образования... Я смотрю в зеркало и вижу костлявого уродца, провонявшего табачным дымом, с незаживающим красным пятном на переносице от очков, минус семь, гастрит, простатит, импотент... МАГ!

Мне сорок три года, и я убогое создание, под залысина-

ми которого живут черви мозговых извилин. Много червей. Я умный. Я хочу быть, как он. Смотреть таким спокойным взглядом, угадывать судьбы и их содержание, иметь розовый цвет лица и ровные белые зубы. Не сутулиться и не глотать пилюли от изжоги. «У него абсолютно здоровое сердце», – говорят врачи, а мне страшно, страшно, у таких, как я, бывают ранние инфаркты... Я деликатен на работе и крою всех и все матом в своих писульках... Кого я ненавижу?..

В 1919 году Кривошеевка опустела. Покинули ее все жители без исключения. Сорок девять человек...

Девятый день допроса

Стоменов: – У примитивных народностей смерть никогда не считалась естественным явлением. Они всегда искали причину смерти, причем смерть естественная при этом просто игнорировалась. Быть может, тебя прокляли, или ты прогневал какого-то бога, или убил свою душу на охоте, которая предстала в образе куропатки или зайца. Если взять даже небольшую часть всех поверий, связанных со смертью, вы, вероятнее всего, просто сойдете с ума, пытаясь защититься и оберечься от того, что неизбежно. Смерть Неотвратима, и это одна из причин Силы всего того, что связано со смертью и погибелью. За все надо бороться – за хороший урожай, за благополучные роды, за милость богов, за хорошую погоду, но только смерти не нужны ни ритуалы, ни клятвы, ни вера. Смерть приходит к нам независимо от того, верим мы в нее или не верим, и еще никому из живущих на земле не удалось отворотить этот приход, откреститься от него.

Любая смерть – даже не приметной травинки на поляне – может сделать вас сильнее. Земля с могилы может дать вам еще пятьдесят лет жизни сверх меры, а может уничтожить в считанные минуты. Все зависит от того, умеете ли вы этим пользоваться. Ваш пистолет, Борислав, вы можете направить в лоб нашему трудолюбивому очкарику или к своему собственному виску. Как видите, игрушка одна и та же, а резуль-

таты очень разные. Вы не отнеслись к моему желанию серьезно и принесли мне другую, ПУСТУЮ, землю (следовательно явно вздрагивает), и очень жаль – не ожесточайте сердца старика. Принесите, прошу повторно, я буду вам премного благодарен...

Магия Смерти – вот чему научил нас Никола. Те из нас, что выжили, осваивая эту науку, – очень любят жить, как это ни странно, и живут более чем кто-либо другой. Более не в смысле, что живут триста или пятьсот лет, это все глупости, а в смысле... Да что говорить, гляди на меня. Я близок к восьмидесяти годкам, а здоровей тебя многократно, а ведь тебе только тридцать девять (следовательно вздрагивает), последний раз я болел в 1916 году – и никогда больше. У меня здоровые глаза, я хорошо слышу, могу спать с женщиной, если захочу. Мы не участвуем в ваших войнах, не стремимся к власти и наживе, никому не насаждаем наши знания и опыт. Мне совершенно безразлично, слушаешь ты меня или нет, веришь ты мне или нет. Меня мало интересует, какого бога ты считаешь и поклоняешься. Все боги одинаковы – им нечего дать на земле нашей, вот они и обещают жизнь небесную...

Каждый мой шаг пронизан исключительной ясностью, чистотой и радостью от всего того, что я делаю и чем я живу. Мой мир прозрачен, потому что я им управляю, я его создаю и растворяюсь в нем. Смерть далека от меня, и рядом она окажется только тогда, когда я сочту это нужным...

Следователь (вскакивая): – Стоменов, вы чего несете?! Хватит молоть чушь!! Академик чертов! От какой чистоты помыслов ты девчонку в кастрюле сварил, святой ты наш?!!

Стоменов (тихо): – Сядь, Борислав. Андрей Николаевич меня зовут, мы же уговорились, да? Хочешь узнать, за чем я это сделал? Узнаешь... Ты сиди да слушай, не перебивай старшего, а я говорить буду. Девку я убил, не отрекаюсь и не каюсь. Зачем убил – скажу, только не поймешь ты... Она – путь-дорожка моя, она меня скоро с собой заберет...

Следователь (стоя, наклоняясь, шепотом): – Никак, старый, руки на себя наложить собрался?

Стоменов: – Дурак. Говорю же, не поймешь, а чего тогда спрашиваешь? Никола сказал: «Готовься, ты уходишь».

Следователь (раздраженно): – Ага, и Никола ваш живехонек?

Стоменов: – А то как же!? Живее всех живых! (улыбается). В Америке вашей, которую вы так люто ненавидите, проживает. (Следователь садится, делает мне знак, мол, продолжай писать). Сколько ему годков-то будет? Сейчас сочтем... Было ему двадцать шесть, когда я родился, получается...

Следователь (перебивая): – Сто пять лет. Вы что, бессмертные, что ли?

Стоменов: – Сказок начитался, Борислав? Бессмертный один лишь Кашей, да и то смертен, стоит лишь до яйца его добраться. Каждому из нас свой срок влен.

Отец Николы в шестьдесят девятом ушел, в Казани. Марфа (не та, которая умерла, другая, сестра отца моего) – в тридцать девятом, в Югославии. Все мы, Борислав, по всему миру разбросаны, все мы смертны, всем нам свой срок отпущен. Только вас смерть сама находит, а нам проводник нужен...

После того как промолчал я сорок дней, Никола сказал: «Не ешь. Сперва – три дня и три ночи не ешь ничего, только пей воду студеною. Луна когда сменится полностью – снова не ешь девять дней и девять ночей. И опосля, когда две луны сменятся – не ешь сорок дней и сорок ночей». Голодовал я... Три дня было ничего, сдюжил, девять дней были самыми трудными, а сорок я перетерпел легко. На сорок первый день он питье мне дал особое – мед, жимолость, шиповник, клюква, лапчатка и еще травки кой-какие, специально зашептанные, мазью натер, специально сделанной из клевера, шалфея и мать-и-мачехи, – и упал я в беспамятстве. Сорок дней голодовал я – и сорок дней снадобья его настаивались. Вот так Никола уму разуму нас учил.

Никола здоровущий был парень. По молодости развлекался на ярмарках – на спор жеребцу хребет с одного удара переламывал. Девочек портил, горькую пил. Мамка рассказывала – только я родился, а он в канун декабрьских морозов – хлоп, словно ума лишился. Ходит, бормочет, от людей шарается, по лесу рыщет неделями, придет – весь в кровище, драный, рваный, мычит нечленораздельно. Как снега весной

сошли – повадился на кладбище спать. День в Кривошеевке околачивается, а ночью – шмыг на кладбище. Ерофей, отец его, тогда еще во Христа веровал – уж он крестился, молился истово, да все тщетно. Плюнули – пускай мытарится сам по себе, убогий. И вдруг – как сгинуло. Заговорил Никола, но по-другому, иначе... В поле со всеми стал выходить, работать, с девками не знается, горькую не пьет... Чуждачества выкидывать стал. Волка из лесу притащил больного, полумертвого. Выходил. Ходит за ним зверюга, как привязанный, на всех зубы щерит. Ночью Никола из ковша воды отхлебнет – и на пару с волком на кладбище. Травы разные собирать стал: одни сушит, другие настаивает. Хворь лечил всякую, роды принимал. Потом совсем чудеса стали – идут мужики в лес, на охоту, а зверь сам на них бежит. Собираются бабы в лес по грибы – Никола говорит: «Вон там, в рощице, грибочки поглядите, кажись, созрели». Идут туда бабы – и впрямь, грибные рассадки находят необозримые. Ерофей, с радостей таких, опять вовсю креститься начал да поклоны бить Отцу небесному, только Никола его вдруг одернул. Теперь мне ведомо, а тогда никто не уразумел. Опал Ерофей, осунулся враз, почернел лицом... «Пойдешь?» – «Пойду!» И ушли они той ночью втроем на кладбище – Никола, волчара его и Ерофей...

Кладбищу нашему, кривошеевскому, триста лет, не меньше того. Оно и сейчас сохранилось, **чую** я его. Деревня вот не сохранилась, а могилки живут... Вот так, Борислав,

Смерть – она поухватистей будет. Помни это. И просьбу мою не забудь, землицы принеси **моей**...

Двенадцатый день допросов (допрашивают Советы, московские)

Стоменов: – Знаешь, как Ольга наша баб неугодных изводила? Сейчас расскажу. В новую луну она собирала немного соломки и всю ночь куклу мастерила из всяких тряпочек. Тут самое главное при мастерстве – вообразить вражину во всех ее особенностях, чтобы духом ее куклу эту пропитать насквозь. Поспит Ольга немного, утром проснется, стол соберет, как обычно, сядет, но не съест ничего, только крошку от краюхи отщипнет. Посидит малость, уберет всю снасть, а затем на кладбище идет. Берет земли от самой старой и древней могилы, где женщина похоронена, и в дом землю несет. В избе из четырех углов выберет самый темный и насыпет туда земли набранной. На другой день девка наша снова на стол соберет, посидит, кроху хлеба съест – и ничего боле.

Куклу смастеренную в уголок приладит, где земля могильная рассыпана. И вот так до полнолуния Оля на стол налаживает, и велено ей так, что чем ближе к полнолуннию, тем богаче стол накрыт должен быть, а скушать можно крошечку от любой еды. И еще Никола строго-настрого запретил: «Скажешь, – говорит, – хоть слово вслух недоброе про неугодницу твою – сама издохнешь. За стол садишься – огляди все внимательно, принимайся к каждому запаху, крошку

свою съешь и на соперницу гляди неотвратимо. Злость в тебе с каждым днем просыпаться будет страшная, а к полнолунию – испепеляющая, яростливая.

Всю ее отдай неугоднице, что в углу сидит у тебя в избе, – но ни слова вслух не скажи – помрешь». Давал ей Никола травочки специальные, высушенные, чтобы она в полнолуние в определенное время их зажигала. Перед полнолунием шла девка снова на кладбище наше кривошеевское, брала еще земли с могилки, только теперь свежую землю брала... Подсыпала эту землю в тот же угол избяной, а в полнолуние налаживала самый роскошный стол с самыми невозможными яствами, обязательно все свежее и горяченькое. Клала себе на тарелочку кусочек черствого хлебушка, откусывала и, больше ни к чему не притрагиваясь, подле вражины своей в углу садилась, травки Николы зажигала в горшочке – и сидит, не спит, сколько сил есть, пока в изнеможении не свалится...

Следователь (кивая): – Черная месса...

Стоменов: – А это вы, Сергей Дмитрич, как угодно называйте, хрен редьки не слаще. Знаете, не завидую я бабам тем, которые с Оленькой познакомились. Ладно, если померла просто. А как если нет? Это ж муки нечеловеческие...

Но дальше, Сергей Дмитрич, вы никак не угадаете, чему ее Никола наш науськал. Или скумекаете?

Следователь: – Мм-м...

Стоменов: – «Ты, – говорит Никола, – землицы положи,

как обычно, сразу в полную луну, куклу изготóвь и ладанку мою зажги. Дальше все само собой исполнится». Вот и вся арифметика.

Следователь: – Андрей Николаевич, растолкуйте непутевому, что за петрушка такая это – с могилами, с землей, с мертвыми... Почему Смертная Сила? Разве сила жизни слабже будет? Неубедительно как-то...

Стоменов: – В Китае одна старуха образовала тайное женское общество, занимающееся околдованием мужчин. Ночью они отправлялись на кладбище, отыскивая могилу молодого человека, оставшегося целомудренным до самой своей смерти. Откопав могилу, женщины извлекали оттуда несколько костей, после чего носили их с собой или прятали в укромном месте. И если кто-то из мужей в чем-то не угодил им, они особо отмечают на кости время рождения его, а саму кость зарывают или в море бросают. И становится с течением времени этот муж сумасшедшим. Или он тяжело заболевает, что ведет за собой неминуемую смерть. У приречников Обских другое поверье было: подложишь в гроб к умершему клók одежды или волос обидчика своего – и умрет он скоро, заберет его покойничек с собой. Торжество в смерти заключено неодолимое, неотвратное. Если ты дом свой покинешь, который сам срубил, поставил, обжил, своим духом пропитал, – пройдет тридцать лет, и не останется в месте том ни крупницы духа твоего. А захоронишь человечка случайного, неведомого – и пятьсот лет пройдет, а земля дух его смерт-

ный хранить будет, силу Магу дать сможет... Вот так, Сергей Дмитрич, выходит. Умеючи челобитную смерти бьешь – чудеса творить сможешь, жизнь лучше узнаешь, краше будешь. Неумеючи возьмешься – иль ум потеряешь, иль Смерть при-мешь, которой невежно кланяться вздумал. Бывает и так – не ведают люди, а преклоняются, и дается им сполна. При-ходят другие на то же место, не преклоняются – и звезды со-дрогаются, видя, как мир их рушится...

Следователь: – Чего ты, Андрей Николаевич, загадками заговорил, не пойму я тебя?..

Стоменов: – Загадки, Сергей Дмитрич, ты в Москве у се-бя разгадывай. Чаша вами будет горькая испита – заговори-те вы плохо о мертвых, а могилы в доме своем оставите... Я об Ульянове вашем говорю да о смертных, в стены заму-рованных. Случайна сила ваша, потому что Знания не име-ете, но и ее потеряете, потому что оплюете могилы, но ря-дом их оставите. Худо из речки пить, в которой врага своего утопил. Ты думаешь, Сергей Дмитрич, люди в мавзолее этот рвутся, чтобы на Ульянова вашего посмотреть? Медом там, что ли, намазано? Нее-е-т, голубчик, это они Силу почуять приходят! Великая Сила там есть... Мертвое всегда величе-ственно, вспомните пирамиды Египетские, живое – преходя-ще, скоротечно, случайно. Как вы, как я, как птицы и звери вокруг... А ты попомни – оплюют вашего Ульянова, и при-дут в ваши дома беды великие. Забыли мудрость народную: «О мертвых или хорошо, или ничего» – так вам кровью сие

отхаркнется.

Следователь: – Ты, Андрей Николаич, не чревоуещай: девчонку сгубил, а нас тут поучаешь...

Стоменов: – А ты не мешай, не мешай все вместе. Человека извести – дело пустяшное, ненаказуемое, а вот смерть его не уважишь – заплачется слезами горькими и на этом свете, и на том. Пришел немец в дом твой – ты его убил, и лад с ним, но если слова доброго сказать могилке его не сможешь – так и не хорони его рядом с собой, а где-нибудь далеко-далеко, где нога твоя больше не ступит. А то, что лисы по кладбищам шмыгают спокойно, медведи бродят – так не удивляйся, в звере зла нет, они как дети малые... Никола со зверьем, как я с тобой сейчас говорю, говорить мог, но не словом – Силою своей. Той Силою, что я мужиков на подмогу позвал, рта не раскрыв, – и услышали. Запомни, Сергей Дмитрич, отхаркнется. До конца века нынешнего почему зря рвать друг друга будете.

Следователь: – Ладно, ладно, поживем – увидим. Расскажи лучше, Андрей Николаевич, как ты Магом силы своей смертной сделался, а я послушаю.

Стоменов (глухо, опустив голову): – Сон мне был сегодня под утро, Никола был, пост у меня начинается – три дня и три ночи. Сергей Дмитрич, скажи хлопцам своим, чтобы не докучали, – не ем я три дня, уговорились? (Следователь кивает головой). И еще просьба к тебе будет – водицы бы мне в эти дни особой – до льда ее сморозить, а затем оттаять...

Этой водичкой я три дня и буду питаться...

Десятый день допроса

Стоменов: – Как я отношусь к женскому полу? Хорошо отношусь, чего еще тут скрывать. А вот как девки меня любят – так это любо-дорого послушать! Нам, Борислав, как заповедано: желанья плотского не чурайся, женской ласки периодически вкушай всласть, а если на какую хранитель особо укажет – семя свое дай ей, чтоб, значит, потомство твое по свету шло. Глянется если баба какая особенно – с ней всю жизнь оставшуюся провести можешь, но только с условием одним-единственным: не быть в союзе этом деток никогда. Так нам Никола заповедовал: «Семя Кривошеевское в третьем колене тогда только сильным сделается, когда дитя, народившееся во втором или в первом, без отца своего будет с рождения своего». От чего так – не знаю я, Борислав, да только семя свое Кривошеевский или Никитовский сеет, но воспитателем народившегося не становится, равно как и баба, – если в чреве своем от мужика какого-то нужного в чреве своем носит, то и по разрешению благополучному воспитателем мужика этого делает и больше ребенка этого не видит никогда.

Ну а если баба из наших полюбовника найдет себе на веки вечные, а бабе нашенской такого найти, что тебе затылок почесать, трудов не составляет, она плечом поведет – да и повалится полюбовник этот в ноги ей... Так вот, и ей тогда де-

ток не иметь никогда будет. Так Олюшка наша поживает – та, которую поминал я уже, как баб из других деревень изводила она... Живет с миленком своим в краях швейцарских, домик у них там ладный, живут вдвоем, мужик ентот надышаться на нее не может. Она его подмолодила Силою Магии втайне, хвори многие у него извела, ни слова об этом ему не сказав. Любит его она, сильно любит, Борислав... И знаешь, скажу я тебе что? Смерть-то ей раньше принять придется, да только и он за ней поутру на день следующий помрет. Вот и выходит сказочно – и жили долго и счастливо, и умерли в один день... И в царстве ином любить друг дружку будут вечность, так уж она для себя и для него выбор сделала...

У меня, Борислав, девять деток по миру этому ходят, восемь сынков и одна девка. Их я не видел никогда, но коли чего знать о них захочу – хранители всегда скажут все в подробностях. У Николы четыре сыночка будет – трое по Руси шастают, а один, значит, гражданином Америки является, с именем нерусским. Отчего так по-разному выходит – так это не нам решать, а хранителям нашим, а по страстям телесным – тут уж мы сами распорядителями будем... Слышал, Борислав, сказочку, где шапка-невидимка была? Так вот, у меня и у других, Кривошеевских, как будто эта шапка-невидимка имеется. Ты не хмылься, а до конца дослушай! (вероятно, следователь сгримасничал, я этого не заметил. – Дополнение К. Ракшиева). Мы ведь, Борислав, до людского внимания не особо охочие будем. Возьми соседев моих – жи-

ли рядом, а ничего они сказать-то обо мне не сказали, верно? Видеть они меня видят, да не замечают совсем. Мимо меня их взгляд проходит, словно интересу к персоне моей нет у них ни на грош, словно и нет меня там, где я стою... Вот это и есть шапка-невидимка, про которую объясняю я тебе. Никакая, конечно, не шапка это, а состояние духа особое, колдовское, магическое – чтоб, значит, от любопытства и любознательности человечей хорониться, для глазу людского неприметным делаться. Во как, воодушевился ты, смотрю, никак пользу для наук шпиенских ваших почуял, ась? Только не о шапке этой речь я веду, а о том, что если время утех любовных настает. Если девка какая-нибудь интересна мне стала, то шапочку снять эту надобно, потому как не имеет к тебе интереса ни люд, ни зверь, если угодно, пока в настрое этом находишься. А как снял – тут и девку охомутил крепко-накрепко. По законам библейским выходит, что грехом великим прелюбодеяние является, а если по-нашему, то благость и Сила в этом выходят немалые, только правильно взять уметь это надобно. Никола так науку эту давал: коли не знаешь утех любовных, то познать должен непременно – с этого путь Мага начинается, Борислав, хотя и странным тебе это казаться может. Если баба целомудрие свое утерала, а удовольствияев нету, то сладить так все надобно, чтобы пришло к ней это. Никола для этого и мази особые делал, и настои травные, и смеси трав сушеных, для костров предназначенных.

Мужика одним способом правил, если никак не способен был он по части этой выполнить, бессилием страдал, бабу холодную – другим. Непроста его наука была, Борислав, ой непроста. Велено было умение иметь самое совершенное – если для бабы, то, семя получив, ход ему давать или не давать на усмотрение свое. «Опосля, – говорит Никола, – хранители с вами будут и доподлинно скажут, надобно ли семени попавшему ход дать, аль не стоит, а пока сами кумекайте, нутро свое слушать умеите»... Если мужику науку давал, то семя брошенное учил по воле своей плодным или бесплодным сделать, а еще чтоб Сила была у него долгою и приходила повторно в самом быстром времени. Как учил, опосля расскажу, если охота будет. Так вот, когда баба охочею станет надежно, а мужик какой от слабостей своих избавление возьмет – так зачинать надобно потеху свальную в месяц два раза – на луну новую и на луну полную особенно. Деток, малых совсем, травкой опаивали сонной, да еще двух старух и мужика одного, хворого безнадежно, бессильного, а остальные все к полночи на поляне лесной располагались. Никола сосуд с собой брал, где настой его, для дел этих надобный, был да черпак – чтоб пить, значит, а Ерофей, отец его, котомку захватывал, где травы сушеные для костра были. Питье свое Болтун-водой называл Никола, а травок этих смесь Шалунок кликалась. По приходу Никола костер большой раскладывал, а костер половинно собирался из свежих веток лиственных и хвойных и из суковин старых да высохших. Еро-

фей Болтун водой всех опаивал, да и сам попивал изрядно. Разжигал Никола костер великий, а потом сидел подле него, да Шалунка время от времени подбрасывал, а в потехе нашенской участия не имел, потому как охрану строго держал от путника случайного да от зверья нежданного... (следователь ерзает на стуле).

А уж мы, Болтун-воды опившись, до утра тешились... Там, Борислав, сестру от брата никто не различал, равно как и дочь от отца своего... Все смешивались...

Следователь (останавливая жестом): – Говоришь складно, только больно уж скучным рассказ твой выглядит. Не воодушевляли тебя ночи эти, как я погляжу.

Стоменов (вздыхая): – Эх, Борислав, Борислав... До чего вы народ мелкий, как я погляжу. Тебе вот начальство твое оборот сделало пустяшный, а ты уж и за сердце хвататься, а по роду Кривошеевских что я, что другой кто-то сердчишко твое вырвет рукой голою – и свое лишний раз не дрогнется. Жизнь у нас степенная, равновесная: одно время приходит – и страстности предаешься великой, другое время настает – и удерж совершаешь, Силу большую обретаешь, а третье приходит – помощь кому-то делаешь, аль, напротив, недруга жизни лишаешь... Я, Борислав, удовольствие имел тогда, когда в потехах этих участвовал, а не теперь, когда про них сказываю, потому как страсть плотскую только плоть одна и содержит, а если ум плоть удовлетворить умеет – так и мертвую для страстности та плоть будет...

Кристо Ракшиев

(записи в дневниках)

...Я попробовал обобщить его рассказы, но не уверен – получилось ли у меня?

Поговорить бы с НИМ! Но мне категорически запрещено инструкцией пытаться разговаривать с подследственными. Кривошеев сидит в одиночной камере при нашей больнице, начальство перестраховывается, даже больничную одиночку не дают. Кривошеев ведет себя спокойно, ему не показано никаких лекарств, колоть будут только в случае острой необходимости – неожиданный психоз, острые состояния, приступы и т. п. В соседней камерке, рядом со следственным кабинетом, куда Кривошеева приводят на допрос, постоянно дежурит бригада со всем необходимым. Когда *метелкам* (по всей видимости, подразумеваются или следователи, или оперативно-розыскные мероприятия. – Прим. переводчика) все это порядком поднадоест, следственную часть закроют, Советы уедут к себе в Москву, а Кривошеева нашпигуют спецсредствами. Если сейчас он болен, то, когда «выздоровеет», человеческую речь понимать не будет. Это когда-то случится, а пока он говорит, его слушают, а я пишу. По воскресеньям, если нет никакой чрезвычайщины, мои полномочия выполняет дежурный референт. Я пропустил уже два допроса – один шестичасовой, наш, другой четырехчасовой,

когда допрашивали русские. Поинтересоваться происходящим опасно. Черт, черт подери их всех!!

Русские ведут допрос более лояльно. Без драм, без истерик, не вступая в полемику. Возможно, они знают больше, чем мы... Может, и правда, что была такая Кривошеевка, и русские ее нашли. Нашли, а что толку? В деревне ли дело? Нет, тут другое что-то, непонятное для нас...

Магия смертной силы, обряды посвящения

Всякому юноше или мужику взрослому бабу познать хоть однажды. Это одно из неперемненных условий. Слабых по этой части было мало, Никола их лечил особо, настойчиво. Нет если мужской силы – не годишься, страстности надобной не будет. Бабе – такое же правило, мужика познать хотя бы единожды.

По словам Кривошеева, с этого берет начало обрядовая часть Смертной Магии.

Сексуальные инициации при этом имеют ярко выраженную оккультную, ритуальную окраску, которая сначала нарастает, но в общем многолетнем процессе магической инициации постепенно сходит на нет... Взаимоотношения полов, в конечном итоге, теряют всякое магическое значение, становятся обыденными: продолжение рода, естественная физиологическая потребность и удовольствие. А вот магическим становится процесс полового воздержания: три дня, девять дней, тринадцать дней, затем сорок дней, далее – триста девяносто дней непрерывного полового поста. Кривошеев говорит, что, если хочешь немного Силы, – удерж в девять дней достаточен (я так понимаю, в контексте всей инициации, а не сам по себе), если Сильным быть хочешь – сорок дней удерж должен быть, и триста девяносто дней сдю-

жишь – Магом Силы Смертной стать сможешь. Да, вот еще что – они же настой пили, специально сделанный, искушающий: для баб один, для мужиков другой – я так понимаю, афродизиаковое средство. При мне Кривошеев способ приготовления этого настоя не рассказывал: возможно, говорилось это в одно из воскресений, когда я выходной. У него несистемный ум, он рассказывает то одно, то другое, непоследователен, как ребенок, который на одном месте усидеть не может...

Попробую свести все ИМ сказанное воедино. Должно, должно получиться!..

Р. S. ...Перечитал – и выругался: Папюса из меня явно не выйдет. Ай, и черт с ним...

Двенадцатый день допроса

Стоменов: – После того как молчал я сорок дней и сорок ночей, словно немой, Никола собрал меня и еще семейных мужиков, которые отмолчались уже до меня, чтобы научить нас с ТЕМ светом разговаривать. Это вы сегодня только кресты носите да поклоны бьете, а веры в вас никакой, а мы верили, верили беззаветно каждому вздоху его. Никола велит, чтобы мы с царством мертвых заговорили, угодили путникам встретившимся и нашли себе девять особых душ, которые опосля всю нашу жизнь земную, до самой смерти, станут хранителями и назидателями судеб наших. «Царство мертвых необозримое, ста жизней не хватит, чтобы обойти его, – говорит Никола, – а найти вам там велено тех, чье имя таким же будет, как и ваше. Тебе, Андрюша, как зеленому самому, поясняю – девять душ Андреевых найти ты должен. И у каждого из девяти смерть особая приключилась...»

Душа первая принадлежала человеку, который случайную гибель принял, нежданную. Один может на льду оступиться, упасть, и его в промоину под лед унесет, другой – в трех соснах заблудился, да так там и остался навечно, третий поперхнулся случайно... Смертей много разных, и найти из таких первую душу нужно. Она как оберег будет – от всяких случайностей и неожиданностей. Будет рядом – и не оступишься, не поперхнешься, не заблудишься, охрана будет тебе на-

дежная днем и ночью.

Тело души второй погублено было пожаром, и душа эта хранить тебя будет от огня и молнии небесной. Можно взять того в хранители, кто в огонь кинулся добро свое да злато спасти да и сгинул, потому как справный охранник он будет, всевидящий опасности огненные.

Третья душа человеку принадлежала, что помер от хворей и болезней, беречь тебя будет от недомоганий и нездоровья. Тут наиболее желателен житель царства мертвого, кто с особой досадой от хвори смерть принял, шибко умирать не хотел, но умер все же...

У человека, чья четвертая душа нам надобна, жизнь силою отнята была: или казнен он был, иль повешен, а может, убили его воры или конокрады. Хранит меня душа эта от приговора смертного, от убийц и от замыслов в мою сторону смертных.

Пятая душа – душа утопленника, кто утонул не по желанию своему, а по прихоти моря или стихии. Ладнее всего тот потонувший выходит, кто смерть от воды принял тихим попутчиком при переплыве в земли другие.

Шестая душа тому Андрею принадлежала, который руки на себя наложил. От любви ли несбыточной, от мук каких-то душевных, от отчаяния или страха огромного, разные самоубийцы бывают – и лучше всего здесь будет, если смерть найдешь случайную, пустяковую, глупостную. Чем больше в мире ином человек досаду терпит, что совершил себя убиение,

тем ладнее. Будет самым надежным назидателем и сохрани- телем.

Следующий человек, с чьей душой я в договор вступаю, убит был в войнах больших или малых. Здесь лучше большую войну взять, жестокую, надежней хранитель будет.

Восьмая душа – зверем и лесом хозяин ее погублен был. С этой душой знаешься – ни хищник не тронет, ни гриб – ягода не отравят, а еще узнаешь свойства живого мира тайные – как малиной спелой сгубить можно или как травой ядовитой от недуга вылечить. Лучшим самым здесь будет, если травкой случайной иль ягодой какой умертвился Андрюша мой.

Девятый Андрей колдуном был умерщвлен или магом неведомым – всяким, кто гибели его добился, особые знания используя. Это душа нечастая, долго искал я ее... Знаний истинных немного, много разговоров о всяких якобы знаниях... Нашел я такого Андрюшеньку, Яшка Салаутин его изничтожил, был такой колдун в семнадцатом веке...

Вот так выходит, Сергей Дмитрич, девять покойничков меня охраняют...

Следователь: – Как же ты, Андрей Николаевич, – с такой-то охраной – и здесь очутился?

Стоменов: – А мне здесь опасности нет никакой. Коли была бы, не сидеть нам здесь никогда, мне Андрюша-висельник наперед все рассказал за целую луну.

А ты иронизируешь, старику не веришь... Хошь – верь,

хоть – нет, дело твое, а я говорю, что известно мне. Умирать мне своею смертью, другой не будет.

Следователь (официальным тоном): – Нам вместе с материалами дела был предоставлен рапорт, где высказывается мнение, что вы, Андрей Николаевич, подумываете о самоубийстве. Вы не объясните такую точку зрения наших сотрудников, мнение которых мы, безусловно, очень ценим... Следователю показалось...

Стоменов (перебивая, твердо): – Ему показалось... И чего я тебе, Дмитрич, про сохранителей толкую, не пойму. Не слышишь ты меня, что ли?

Следователь: – Я просто спросил.

Стоменов: – Ладно, Сергей Дмитрич, пустое это. Слушай еще историю, которую Никола мне рассказывал после войны. Был один такой парень – все его Леха звали, ни фамилии, ни отчества, а так – Леха и Леха, и все тут. Леха в сорок третьем с партизанским отрядом в лесах Белорусских шмыгали, яко волки, немца били нещадно. Как-то сработала недалеко их ловушка, что они немцам устраивали в изобилии, двое отсталых на mine подорвались. Партизаны сбросились, а немчуры оба живые, руки там оторвало, ноги, но дышат оба, хрипят и в сознании. Леха, недолго думая, подошел да и расколол им головки ихние прикладом. Ну, поплевали все, как делается обычно, когда собаку бешену прибьют, да и поворотились, а Леха говорит, что, мол, хоронить их надо. Брось, говорят мужики Лехе, собакам смерть собачья, а Ле-

ха ни в какую – схороню, и все тут... Матюгнулись мужики отрядные, да и в леса пошли, Леху с мертвыми оставили. Схоронил их Леха так, как ему батька еще в детстве покойничков провожать в мир иной заповедовал. Ночь отмечевал, а поутру своих нагонять пошел. По следу идет ихнему – так и вышел на хутор, дотла сожженный. Бабу только одну нашел, сидит, венки плетет цветочные. Повела его баба к окраине, кажет на землю сырую, гусеницами танковыми изъезженную, – тут, говорит, голубчики твои, все твое войско. Повязали их ночью, сторожа закололи, а остальных поутру в землю-то живьем – и танком укатали... Девять партизан и четыре сельчанина оставшихся. «Чего ж ты, дура, венки плетешь? – спрашивает Леха, – давай крест им сладим». – «Ты, сынок, – баба говорит, – хошь – крест ставь, хошь – образ, а я всю ночь в лесной воронке сидела, Господа молила, утром глазами своими все это глядела – и как молила, как молила... Ставь, коли хошь, а я веночки плесть буду, ибо нет со мной боженьки...» Вот так, Сергей Дмитрич, Леха жив остался, от смерти страшной ушел, потому как жизнь отбирать не гнушался, но к мертвому уважение имел. По сей день этот Леха здравствует...

Мне восемь аль девять лет было, когда мы с дворовыми на кладбище наше пошли. Ну, дело известное – залезешь на печь и давай истории страшные калякать: про мертвецов, про леших, про домовых и другую нечисть всякую. Каждый рассказчик вовсю старается, чтоб страху побольше на-

гнать. А опосля – давай друг дружку подзадоривать: айда, мол, на кладбище наше – сдюжим или не сдюжим, и про Николу больно охота узнать, чего он там с волчарой своим делает. Шасть туда – трясемся, девки две маленькие, Никитовские, повизгивают от страха, боятся. Темень страшенная, луна полная, лес шуршит, тени какие-то, звуки разные. Вдруг волк из леса – прыг к нам, встал и щерится, а за ним Никола выходит. Хвать меня за отворот, как самого старшего, к Кривошеевке повернул, толкнул легонько – идите, мол... Много позже, когда голодовал я первые три дня и три ночи, я спросил у Николы, худо бы было, если попали бы мы тогда на кладбище Кривошеевское? Он плечами пожал, говорит равнодушно: «Земля кладбищенская Силу вам дать может, а вы свою, ничтожную, искать пришли, страх свой одолевать. Худа в этом нет, да только и проку никакого»...

Чтобы Силу обрести – надобно удерж всякий познать. Но удерж особенный, магический, наставниками смертными заповеданный. От желаний плотских, от потребностей чрева ненасытного, от слова пустого, от ока бездельного. Будет прок, если жажду свою силой своею сделаешь, а как сделать – никем не сказано, одному лишь Николе ведомо. Сделаешь – царем незримым сделаешься, Силу обретешь сказочную, моря и земли далекие преодолевающую. Но коли не сделаешь, а только сдюжишь, перетерпишь – не будет от этого толку никакого, кроме того, что трудности лихие лучше других переживешь, если придут они в дом твой... А еще – поме-

реть возможно от слабости или погибнуть, когда испытание тебе дается.

Удерж от желаний плотских трудно мне давался. Утром из ковша отопьешь настоя, что Никола настоял и пить по утрам велел, – и в поле, сеяли мы тогда. Работу тяжелую Никола запретил мне. Хожу, семя сею, а самого то в жар, то в холод бросает, тело истома сладостная заволакивает, голова кружится... То ретивость чую одолевающую – кажется: схвачу, сволоку в лес, оприходуя – раз, другой, третий, а там будь что будет. То ярость меня душит нечеловечья, ненависть страшная, испепеляющая. То страх нападет, то видения какие-то – аль морды привидятся кореженные, аль бабы какие-то, ненашенские, извиваются, телом голым бахвалятся, с собой зовут... Как сорок дней вышли, сказал мне Никола одно только: «Добре», – и сгнуло все сразу, упал я на землю в беспамятстве и две луны проспал непробудно.

Три дня был удерж, потом – девять дней и девять ночей, потом – тринадцать и сорок. И только в 1944 – 1945 годах здесь, в Софии, Силу принял я большую, триста девяносто дней и ночей плотской жаждой испытываемый. А тогда, после сорока, повел меня Никола в лес с раннего утра июльского. Два дня и ночь еще он вел меня неведомо куда – и остановился внезапно, словно сигнал ему был какой. «Будет тебе, Андрюша, суровое испытание – учти, помереть можешь, сгннуть, волками быть съеденным, медведем подранный. Знаю это, поэтому не неволю – если удумаешь – хорошо, не удума-

ешь – воля твоя, только отрекусь я от тебя опосля этого». Согласился я, не раздумывая. Достал он тогда из котомки своей коробочку берестяную, дал мне. «Средство, – говорит, – там особое, для тебя изготовленное. Я сейчас уйду, и как только скроюсь за деревьями – ты глаза крепче закрой и вотри того, что я дал тебе, бровей чуть пониже, затем ляг – и на земле лежи, пока сверчок под ухом не засвербит. Тогда встанешь – и возвращайся домой».

Сделал я все, как он велел, в точности. Сверчок запел – поднимаюсь я, а в глазах темно. Не вижу ничего. Слеп стал. Спит, выходит, Сергей Дмитрич, эта мазь Николова, уразумел? Прикинул я про себя – верст эдак сто мы с Николой отмахали, не меньше... Страх в меня вошел нечеловеческий, скрутило всего, к земле потянуло. Лег я на землю, дрожу листом осиновым, руки-ноги под себя поджал... Слышу, сверчок опять запел, схлынуло с меня, тело расслабилось. Лежу, сверчка слушаю, звуки другие, шорохи, запахи чую. Слышу, как ветки деревьев качаются, листья шуршат, стуки какие-то, скрипы, птицы щебечут. Пополз потихоньку, знаки на деревьях поискать. Семнадцать дней я плутал, по-зверьему шел, на четырех, ягоды ел, траву, грибы некоторые. Зверя чують стал, различать – зайцы, секачи, лоси, с медвежонком малым нос к носу стоял, не знаю – то ли прибили мамку его, то ли рядом где-то была, но не пошла... Свезло мне, в общем, Сергей Дмитрич. Волки не встретились, секач не пропорол, два последних дня ногами шел – чують снача-

ла стал, словно видеть, а опосля и видеть вовсе взором особым, внутренним. Вернулся в Кривошеевку, значит. Никола сказал: «Слеп не будешь, но обожди, на новую луну поправлю, не раньше»... Время пришло – в ночь прыснул он мне в лицо чем-то, вонюче – спасу нет, спать наказал. Но прозрел я тут же, ночь в глаза брызнула. Это, Дмитрич, пока не испытал – не поймешь, когда ночь ярче дня ясного кажется. Сдюжил я – а вот двое не сдюжили, хотя старше меня были и опытнее. Один сгинул навечно, другого медведь подрал на смерть. Вот это и называется, Сергей Дмитрич, удерж от ока бездельного. Глаз-то у нас всевидящим себя мнит, всеведающим, всезнающим, но закрыть его стоит – и беспомощен ты, словно болезнь страшная тебя одолела. Пуст взор у людей нынешних, как и речи пусты ихние, но обретешь взор внутренний и мысль громогласную – и пустое пустым перестанет быть. Вот что такое Магия Смертная, Сергей Дмитрич... Око твоё, врага почуявшее, когда он в тысяче верст от тебя находится, слово твоё сказанное, но вслух не промолвленное, жальче стрелы разящее, поступь твоё, силу у сильного отнимающая! Торжество Убиения недругов, но почитание Смерти их и содружество с душами ихними – вот что такое Магия Силы Смертной...

Кристо Ракшиев (рассказывает)

Понятий добра и зла у них не существовало. Когда речь заходила об убийстве, о том Зле, которое он совершил, – Кривошеев не понимал всего этого с какой-то наивной, умиротворенной непосредственностью. Он часто говорил: «враг», «недруг», «вражина», «неугодный», «неприятель» – но эти понятия были достаточно конкретны и не формировали собой категорию. Когда Стефан (первый следователь, который допрашивал Кривошеева), да, кстати, на седьмой день он не вышел на службу, позвонил, сослался на недомогание... Через сутки его поместили в наш же дурдом на почве какого-то припадка – насколько мне известно, он до сих пор там, совершеннейший овощ (психиатрический жаргон, полная неспособность больного совершать какие-то осознанные действия. – Прим. переводчика), так вот... Мм-м, да! Стефан ринулся на Кривошеева, как бык на красную тряпку, обличал его во Зле и злодействе, но тот только щурился да плечами пожимал. Я происходящее понимал плохо, стенографировал почти машинально, в голову лезла чертовщина всякая... Стефан нервничал, а Кривошеев сидел, как истукан, – спокойно, величаво, отвечал размеренно. На попытки вывернуть произошедшее наизнанку – мол, зло вокруг вас, а вы добро несете, пусть и жестокое, но добро – отреагиро-

вал еще более равнодушно. «Я, — говорит, — понять не могу, чего ты мне тут лопочешь, а коли грамотный такой, так и лопочи сам с собой, без меня»... Стефана одернули, говорят, не суетись, не дави, может, пердун этот старый и сам колонется. Пятый день допроса я пропустил, о чем они говорили — не знаю... На шестой слушаю, понять ничего не могу, о каких-то врагах, о силе, кладбищах, ненависти. Стефан бледный, дергается, меня непрерывно останавливает, хотя, по инструкции, запрещено.

Но он мой непосредственный начальник, приказ есть приказ, если что не так — пиши рапорт вышестоящему. На седьмой день Борислав эстафету принял, на одиннадцатый — русским ее передал. Пишу, пишу... Тошно мне, Вит, сил моих нет никаких, как тошно...

Шестой день допроса

Стоменов: – В природе не существует нравственных законов. Я все детство провел рядом с землей, травами, лугами, рекой, зверями дикими – и что-то о таких законах не слыхивал. Если ты в этом дока – так вразуми старика, а то я томлюсь, тебя не понимаючи. Столкнулся ты с неприятелем в чистом поле – он себе кумекает, что ты злой человек, а ты – что он зло для тебя непереваримое, и кто ж прав-то из вас, мил человек? Торжество жизни своей подле смерти чужой лучше всех почуешь, вот так-то, родимый. Без нужды букашков людских не тронь, а как есть нужда, так и мертви его, не жалеючи. Ты, Стефан, сам мысли смертные вынашиваешь, только хилый ты больно – и духом, и телом. Одна отрада, на пистоль свой надеешься – аль застрелю, ай застрелюсь, так ведь, милоч? Так... Чего замандражировал-то? А ты, очкатый, не пиши, вишь – не хочет человечишко, чтобы ты это на бумаге своей калякал. Верно я говорю, Стефан? (следователь дергает плечом, запись продолжается). Я тебя, букашонку, насквозь гляжу, все про тебя знаю. И не бахвальства ради говорю тебе все это (сигнал прекратить запись), а только ведаю – надо говорить, и говорю тебе. Струхнул, не пошел на могилку? Да и шут с тобой. Ну, курлыкай дале про зло свое, а я послухаю.

Следователь (сигнал продолжить запись): – Объяс-

ните, почему вы убили эту девочку?

Стоменов (равнодушно): – Хошь расскажу, как я ее убил? Послухай, Стефан, послухай! Взял я ее в полночь за обе ручонки, сжал крепко-крепко, она на меня глазищами своими глядит, не пикнет – это я ей СЛОВО шепнул заговорное, чтоб нема была. Левой рукой ручонки ее держу, а правой горлушко ее охватываю и сдавливаю, медленно-медленно, и в глазенки ей смотрю пристально, взглядом особым. Как только задохлась она, положил я ее на пол и танец исполнил специальный, колдовской, – это, Стефан батькович, для того я сделал, чтобы обряд ее схоронный иным сделать... Ай, не понять тебе! Танцу этому Никола меня обучил, когда мы по украинам в двадцать первом шмыгали, особенный танец это, Силу сберегающий, а еще для того он надобен, чтоб хранители твои от тебя не отреклись. Как с хранителями своими уладился – одежду всю с девки снял и в ванну ее, чтобы кровь-то по полу не разливать. Отчикал у нее головку, кровь спустил, обмыл водицей, ну а потом, сам понимаешь, покромсал ее всю, чтоб уварить можно было... Значит... Эй, сынку, чего пот-то льешь, остынь!.. Очки, очки, плесни водицы Стефану, а то худо ему. Слаб ты, ой слаб, милок, ни на что не годен, зря я только воду в ступе толоч. Ну, лучше? Лучше? Остынь! Все, хватит на сегодня, будя!

Кристо Ракшиев (дневники)

В столовой подсел к Фрейду. Фрейд – прозвище одного из наших психиатров, он научный сотрудник, специализируется в основном на психодиагностике. Фрейд апатичноковыряет салат, на столе стоит начатая бутылка пива. Им можно, в отличие от нас.

– Чего там старый пердун? – столь же апатично, без интереса спрашивает он у меня. Стоменова все почему-то называли исключительно так. Я пожимаю плечами...

– Одно да потому – Никола велел, Никола сказал, Никола научил. То три дня не жрет ничего, то до бабы сорок дней не притрагивается...

– Ясно, – скучает Фрейд.

– А что ясно-то?

– Старо как мир... Во многих оккультных школах ученикам советуют хранить целомудрие, чтобы не тратить попусту свою энергию, – Фрейд вздыхает, опять берется за пиво.

– А почему три, а не семь и не одиннадцать? Почему девять? Почему сорок?

Фрейд смотрит на меня с секундным любопытством. Потом этот интерес возвращается к пиву.

– Три, девять и сорок – это поминальные христианские каноны.

– А тринадцать?

Фрейд рассматривает содержимое бутылки, словно прикидывая, хватит ему этого или нет.

– У древних евреев число тринадцать и слово «смерть» писались одним знаком.

Я понимающе киваю головой.

– Фрейд, слушай...

Он любит свое прозвище. Наверное, это ему очень льстит.

– Фрейд, а правда, что когда Сталина из мавзолея выкинули, то золотые пуговицы на кителе поменяли на латунные?

– Есть такое дело, – изрекает он.

Я вижу себя со стороны. Меня бьет озноб. Мне двенадцать лет, я стою у могилы своей мачехи и – плюю, плюю, плюю в ее камень не в силах остановиться. Я пинаю сухие комья земли, и они рассыпаются в пыльные брызги...

Фрейд ушел. Толстая баба за стойкой размазывает разлитый кетчуп... Меня тошнит. Мне страшно. Шестнадцатый день допроса...

Шестнадцатый день допроса (Советы)

Стоменов: – Когда убиваешь человека, Сергей Дмитрич, правильнее всего будет похоронить его по-особенному. Когда человек простой, случайно или намеренно, другого человечка загубил – он его прячет, и чаще всего, как вы и без меня прекрасно знаете, – земле его предает. Схоронить так, чтобы ни одна душа живая не узнала, – смотрите, как интересно, Сергей Дмитриевич: вроде бы и спрятал, и похоронил одновременно. Только вот какая оказия выходит – кто-то содеет, да и ума лишится от страха или там от ожидания кары какой-то всемогущей, а кто-то ненависть лютую к покойничку продолжает иметь. Но учил нас Никола: если убить кого хочешь – без лютости душевной делай это, а к помершему тем более злобы не храни. Могилки почитай, в них Сила для нас и хранителям нашим отрада будет. А коли на тот свет спровадил, а схоронить возможности не имеешь – хранителям милость сделай, а милость эта у нас, Смертной Силы Магов, выражается, Сергей Дмитрич, в танце нашем особенном...

Расскажу я тебе баечку одну, а ты сам прикидывай, сказка это али быль. В двадцать втором году, когда я с Николой и Игнатием по Украине бродили, подошел к Михаилу Ивановичу Калинин у старичок один седенький, метр с кеп-

кой, по имени Василий. И говорит ему: «Ты, Михайло Иванович, меня послушай, потому как этот разговор тебе потом сгодится, жизнь тебе побережет. А сказать я тебе хочу вот что: скоро помрет Ленин ваш, Ульянов. Ты не дрыгайся, Михайло, а слухай спокойно. Так вот, схороньте его особенно, как управителей многих древних хоронили, земле его не предавайте, а сладьте избу ему почетную – и Силу получите: кровавую силу, но великую. А для тебя говорю особенно, Михайло, потому что укроет тебя это от смерти случайной». Сказал это Василий Калинин, да и след его простыл. И Михаил Иванович, видимо, не забыл об этой встрече. Ведь неспроста же, Сергей Дмитрич, политбюро еще осенью двадцать третьего обсуждало вопрос о будущем захоронении Ленина. А кто предложил Ульянова на особый манер захоронить? Да Михайло Иванович, кто же еще!.. Он первый эту мысль – НАШУ МЫСЛЬ – высказал, а Иосиф Виссарионович поддержал ее горячо. И заметь, Дмитрич, товарищи Троцкий, Каменев и Бухарин были против МЫСЛИ НАШЕЙ, считали, что Ленина нужно хоронить по русскому обряду, земле предать... Ну, а теперь кумекай дальше: кто долгожителем партийным сделался – Калинин или Бухарин, ась? (следовательно улыбается). Вижу, постигаешь ты меня, Сергей Дмитрич, и это ладно. Слухай еще историю...

В 1973 году один человечешко недалекий приноровил на себя бомбу самодельную, чтобы Ильича, значит, взорвать (следовательно кивает). Вышла, однако, оказия в замысле

его... Человечишко-то сгинул, а телу Ильичову хоть бы хны. Ни повреждения, ни царапинки, чудеса – да и только. Вот так-то, ребятушки, в смерти Сила великая имеется, только знать о ней надобно – и не сладят с тобой ни умысел, ни случай...

Знаешь, Сергей Дмитриевич, как русский люд говорил раньше: «Покойника не поминайте лихом». Теперь говорят иначе: «Не поминайте лихом», по сути – о себе как о покойнике просят. И ничего худого в этом нет, смертный час не приближается. Уважь смерть чужую – защищенной будешь на свете этом, почитай Мертвых – Сила к тебе придет, могущество великое... Не отнимай у мертвого того, что положено ему, никогда не мути мир иной, мертвый мир, кровью и жаждою залиют они землю нашу. Потеряли вы в Сталина веру – и выкинули его из пристанища его. Крадучись делали, суда живых людишек боялись – а надо б мертвых страшиться... Пуговицы золотые с кителя срезали, на простые блескучие поменяли – зачем, Сергей Дмитрич? Никола нам всегда говорил: «Положена с покойничком рубаха добрая – и пускай навечно с ним останется, а положены злата и камня разные – тем паче с ним всегда должны быть».

Следователь: – Скажи, Андрей Николаевич, – вот могилами ты пугать горазд, жизни человека лишить можешь – знаю, верю, а вот другое мне интересно: польза есть от тебя и магии твоей людям другим, во сто крат тебя более духом слабых, силы магической не имеющих, а?

Стоменов: – Ишь, заговорил как... Никак вид на меня имеешь? Умыслы твои чую, только, Дмитрич, ты меня сейчас не искушай, так как не время еще. Никола нас как поучал – человечка другого Человеком сделать, Силу ему дать, от хвори избавить нехитра наука, много мастеров найдется, а вот Силу его отнять, жизни лишить, своей жизни торжество предоставить – трудна наука сия, опасна, не каждый ее одолеет. Смогешь сгубить – сможешь и спасти, коли нужда такая будет. Со смертью сдружишься – жизнь посеять сможешь. По деревням проедь, Дмитрич, много старух ты найдешь, которые кровь заговорить смогут, чтобы течь перестала, да не найдешь таких, что слово шепнут – и кровью изойдешь ты. Вон видишь писаку нашего – он на головку слабоват будет, я лишь мизинцем пошевелю, а кровь отовсюду пойдет у него – чрез нос, глаз, ухо и рот... Не-е, ты, сынок, успокойся, не вздрагивай, это я для образности сказал, в смерти твоей нет мне проку. Но на головку слаб он, Сергей Дмитрич. Вот таков ответ тебе будет. И говорю я тебе правду истинную, потому как врать мне без надобности...

Вот какая интересная вещь получается: есть закон такой магический, который ведает, что многие или все предметы, находившиеся в контакте, продолжают взаимодействовать после разделения. Закон этот славу дурную имеет, так как пользуются им исключительно для того, чтобы человека портить или здоровья его лишить, а то и жизни. Почему – неведомо мне, Сергей Дмитриевич, посему как наша правда

будет – если вещица с человеком соприкоснулась, то, вещицу эту используя особенно, можно не только болезнь ему причинить, но и от хвори поправить; можно не только жизнь забрать, но и сохранять ее надежно, как оберег иногда сильный хранит. Никола нам глаза раскрывал на все на свете, слепы мы были, как котята народившиеся... Вишь, Сергей Дмитрич, я все еще на вопрос твой ответ даю. Утерять ты заколку свою галстучную – я, ее пользуя, силу имею кровь твою спортить необратимо иль, напротив, печени твоей послабление дать серьезное. Это для нас баловство будет, дело нехитрое. А вот если слушаешь меня внимательно, интерес имеешь, расскажу я тебе о принадлежностях людских, в Смертной магии особенную Силу имеющих.

Если далек человек от тебя, в тысяче верст расположен, а тебе иль помочь ему надобно, иль жизнь его забрать – обратиться к хранителям своим, чтобы сказали они тебе точную дату рождения человека этого. Если баба это мужняя, с фамилией чужой – узнать надобно, как по родителям она называлась. Еще хранитель сказать тебе может, как кликали человечка этого, прозвище его или имя ласковое. Этого достаточно будет, чтобы Силу над ним возыметь на веки вечные. Ну а если близок человечешко – многое из потреба его годным будет: перво-наперво волос его, состриженный или оброненный, ногти стриженные, зуб утеранный, кровь истекшую. Потом человечешко исходит – платочек ему дай свой оприходовать, а затем побереги – власть ты над человеком

этим обрел. У мужика еще, ясно дело, семя, а у бабы – выделения ее кровавые. А если кушаешь с человечком нужным – хлебушек, им кусанный, но не доеденный, прибери или тот кус, которым поперхнулся он опрометчиво, – уже в этом кусе смерть его содержится.

Из вещей особо годны сродненные с ним предметы – может быть, это именные часы будут, или брошь фамильная, иль еще какие-то родословные украшения. Попало тебе это в руки – и царем судьбы человека этого сделался.

Еще хороша фотокарточка или портрет художественный. Но самое средство сильное – земля могильная, где родня его похоронена. Обращаться с ней нужно осторожно, особенно если не ведаешь, для чего это надобно...

Все, Сергей Дмитрич, страшатся, когда покойничек снится, дурной приметой это считается, смерти предвестником. И правда, и неправда в этом сокрыта. Привиделся тебе мертвый во сне – благодать в этом, и худо с человеком сделаться может, если он прихода этого страшится, от прихода этого отбреживается. Многие поминать покойного начинают, блины да кутюю готовить, да только не еда со стола вашего нужна ему, а духа вашего почитание и уважение. Тогда он от смерти скорой оберечь сможет, хранителем незримым стать, а по смерти вашей примет радушно.

Расскажу я тебе, Сергей Дмитрич, еще историю одну. Было дело это в июне 1941 года, а если точнее быть – то в ночь

с 21 на 22 июня – один весьма научный букашка человеческий спустился во вскрытую гробницу Тимура, завоевателя великого, кровожаждущего, и череп Тимуровский в руки берет...

А что через несколько часов случилось – ты и сам, Сергей Дмитрич, знаешь без моего. Деда-то своего, почитай, потерял в Великую Отечественную, да? Ты можешь сказать – мол, случайно все это вышло – да только говорю: не случайно все это!

Следователь: – Складно кроешь, Андрей Николаевич...

Стоменов: – У кого жизнь складно идет, тот и говорит знаючи. Много я по свету погулял, видел разного, слышал дельного и бездельного, но еще больше знаю того, чем Никола с нами делился. Правда его была, много раз пришлось убедиться в этом. Бродишь по уезду – народ дикий, смурной, суеверный, верят во что ни попадя. У смоленских своими глазами видал, как кол осиновый мужики в могилу колдуну своему помершему вбивали... Боялись колдунов этих – страсть как боялись, да только там предрассудки одни, а проку немного. Вологодский колдун, помираяючи, совет дает: если в поле умереть мне придется, то в избу не вносите, а коли в избе смерть придет – выносите не ногами вперед, а головой, а у первой реки остановитесь, навзничь в гробу переверните и пятки или жилы подколенные подрежьте. Скажи мне, Сергей Дмитрич, чего ж это за колдун такой, что знать не знает, где смерть принять придется, догадку строит, а?

Следователь: – А ты, никак, знаешь, Андрей Николае-

вич?

Стоменов: – А то как же! И смерть свою знаю, и время ее. Грош бы цена слову моему, если над другим потешаюсь, а сам таков же. Нас, Сергей Дмитрич, немного Магов Смертных на земле этой ходит, и каждый кончину свою доподлинно ведает. Кто сто сорок лет проживет, кому не боле сорока полагается, мне вот восемьдесят Николой заповедовано. Он известие имеет, кому когда правильным умирать будет, и никто еще из кривошеевских и никитовских не ослушался его. Не было такого! Не ослушались и те, кто на смену покойничкам нашенским пришли...

Следователь: – А что, ослушаться можно?

Стоменов: – Да вроде бы и не понукает никто, только никому это на ум не пришло. И говорю я это не потому, что мысли в нас такие бродят, а лишь потому, что много с человеками судьбы обычной, непримечательной делов иметь пришлось. А вы другие, вас постоянно сомнения одолевают, вопросы разные, вроде: «А что, если...» да «Каков в этом смысл?» Моя душа прозрачна, Сергей Дмитрич, прозрачнее родниковой воды будет. Вот тут ваш дружок потешный голос свой надсаживал, что, дескать, кровью замутнена водица моя, да только не пойму я, о чем это он... Живу я светло, потому что знать не знаю, для чего я живу и почему вот говорю тебе все это. Так уж у нас заведено – известно мне, что сподручник мой в Красноярских краях исполняет, но не ведомо, для чего я здесь и какова польза от этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.